

21 декабря 1977 г.

ВСЕЙ СИЛОЙ ДОБРА

АВТОРИТЕТ ТАЛАНТА

«...Был тогда неуемный, острый голод — на роли, на работу. Хотелось играть каждый день, до полного изнеможения. Наверное, пытался утолить невероятную тоску по театру, которая скопилась во мне за долгие военные годы...» Так вспоминает Владислав Стржельчик свое возвращение на сцену в 1945 году. Позади оставался фронт, служба в стрелковой дивизии. И вот он снова мог выйти на родные подмостки, радостно ощутить напряженное дыхание зрительного зала. Мог каждый день проходить знакомой набережной Фонтанки, отворяя двери театра, где еще студийцем начал свой путь.

Но эти слова — о «голоде» на роли, — отнесенные Стржельчиком к определенному моменту своей творческой судьбы, характеризуют и всю его дальнейшую рабочую биографию, поразительно емкую, насыщенную — без малейшего зазора между беспредельной любовью к нелегкой профессии и полнотой напряжения творческих исканий. В каждой встрече с актером — будь то спектакль, фильм или концертное выступление — непременно ощущаешь главную тему, дорогу для художника мысль идею, которую он отстаивает оружием своего искусства.

Герои народного артиста СССР Владислава Стржельчика несхожи характерами, судьбами жизненной направленностью. И причина этого не только в бесконечном разнообразии драматургического материала, оказавшегося подвластным дарованию актера, но и в том как всякий раз по-новому, ни в чем не позволяя себе повториться, им прочитывается каждая роль.

Ему приходилось играть и романтических красавцев, рыцарей без страха и упрека классического репертуара. И жалких, опустошенных людей, для которых смысл существования определялся одним желанием — укрыться от жизни в какой-нибудь темной щели или забиться в очередной иллюзии. И добрых, сильных героев, отмеченных способностью жить для других. И сильных, холодных, властных, в ком превыше всего оказывалась неистовая жажда самоутверждения... Круг их необыкновенно широк — и актера влечет эта широта окружающей жизни, где каждый из встреченных людей особен, не-

повторим. Но едва ли найдется хоть один персонаж, в отношении к которому актер выступил бы судьей, жестким обличителем, не попытавшись умно и мягко проторить для себя дорогу к его сердцу.

Было бы в равной степени несправедливо говорить и о стороннем объективизме Стржельчика. Скорее — он адвокат, стремящийся открыть для себя и для людей те явные и тайные мотивы, которые определяют поступки и взаимоотношения его героя. В этом — истоки неоднозначности, многомерности, неожиданности созданных им образов.

Вспомним как решительно сломал актер традиционные рамки в решении характера врага — генерала Ковалевского из телевизионного фильма «Абьютант его превосходительства». Что в конечном итоге прочно связывает разноречивые черты этого интересного одаренного мечущегося между прошлым и будущим человека? Его безусловная внутренняя порядочность, чуткость и чувство принадлежности к возраставшей его земле.

В Ковалевском неизбежна мысль о крахе, который все ближе, все явственней мучительно желание предотвратить его и невозможность что-либо изменить. Понятие чести искренне живет в душе Ковалевского, и тем труднее ему смириться с происходящим вокруг. Стржельчик угадал в генерале «белой гвардии» трагическую развоенность человека, не способного в силу обстоятельств совместить поступки и убеждения.

— В Ковалевском, — вспоминает Стржельчик, — мне видится собирательный образ той части русской интеллигенции, которая в годы гражданской войны неосознанно, но все же искала выход, возможность служить новой, нарождающейся России. Ковалевский проходит тяжелый путь самопознания, что мне особенно хотелось подчеркнуть в финале картины. Кстати, такого финала не существовало в сценарии, он родился в процессе работы над фильмом и, я думаю, логически был необходим.

Одна из существеннейших для Стржельчика творческих проблем — органичный кон-

такт с режиссером. Это абсолютно закономерно для актера, который вот уже много лет совместно работает с одним из ведущих наших режиссеров — Г. А. Товстоноговым. Актер много играл и до прихода этого режиссера в театр, но отправным моментом чаще всего становились внешние данные Стржельчика. Товстоногов же угадал и реализовал прекрасную способность актера к тончайшему психологическому анализу. И в новых ролях Стржельчик поразил остротой, отточенностью сценического рисунка, неожиданностью решений.

Его Цыганов в «Варварах», циничный и опустошенный, предстал фигурой не только привычно жалкой, но и трагической. Потрепанный светский лоск, изысканные манеры, столь неуместные в «варварском» заточении Цыганова и местном «варварском» обиходе, — все это было попыткой хоть как-то сохранить себя, оградить от беспощадного прикосновения окружающих реалий. Тем страшнее оказалось для Цыганова чувство его к Надежде Монаховой, разрушившей старательно возводимые им крепости. Именно теперь Цыганов до конца осознает собственное ничтожество, опустошенность, ядовито, с ненавистью издеваясь над самим собой. Ему остается лишь жалко, убого, бессмысленно цепляться за неосуществимую для него в своей цельности женщину, понять нищету пройденного пути...

Чуть позже Стржельчик сыграл в спектакле «Традиционный сбор» Александра Машкова — своего рода антипода Цыганова. Передал редкий душевный такт и силу умной доброты героя, его способность любить, перешагивая через собственное самолюбие, обиду, боль, думая не о себе — о любимой...

А в «Хануме» он выходит на сцену давно обнищавшим сиятельным князем Пантиашвиди. Облысевший ловелас не заметил пролетевшие годы. Он и не то чтобы не хочет смириться с неумолимым бегом времени, он попросту не реагирует на это, скользя по поверхности, упиваясь собственным самообожанием, не ощущая несоответствия видимого

и сущего. Он пытается изыпно кланяться, а ему уже не под силу устоять на земле... Ему хочется быть оборотливой головой предельски развевется седой венчик уцелевших волос... В этой роли Стржельчик добивается интереснейшего результата — его князь не только смешон, но и вызывает сочувствие своей детской отрешенностью от действительности, инфантильностью мировосприятия и упоенностью собственной персоной.

Обращаясь даже к нескольким работам Стржельчика, ощущаешь его талантливую способность обнаружить неугасшие искры человеческого начала и тогда, когда предстоит сыграть ничтожность, беспросветность, обреченность. Таков, например, Каретников из фильма «Преступление». В решении актера он оказался личностью сильной, сложной, обладающей несомненной душевной широтой, активной волей, что и влечет к нему людей. Но все эти черты в итоге уродливо трансформированы, превратив Каретникова в темного дельца, не гнушающегося ничем во имя собственного блага. Для Стржельчика важно было увидеть и объяснить не просто сущность природы его героя, а опасность влияния, которое он не может не оказать на окружающих.

Сценический, актерский опыт Владислава Стржельчика рожден его искренним, активным интересом к жизни, к людям, ко всему, что свершается рядом с ним. И его общественная деятельность — одна из сторон этого обширного интереса. Депутат Ленинградского городского Совета, заместитель председателя правления Ленинградского отделения ВТО, председатель совета Ленинградского Дворца искусств... Он находит время и для участия в жюри фестивалей зональной художественной самодеятельности, и для поездок на Ижорский завод, где рабочие-сборщики чистят его членом своей бригады коммунистического труда. Да и жизнь его в театре не замкнута лишь репетициями, спектаклями, новыми ролями. Он ощущает себя членом огромного театрального коллектива с его тревогами, надеждами, успехами, неудачами — каждодневностью и перспективами.

Э. ЛЫДИНА.